

Проблемы взаимодействия научной и политической элит в определении векторов сотрудничества России и Украины: на опыте региональной языковедческой школы

Problems of interaction between scientific and political elites in determining the vectors of cooperation between Russia and Ukraine: on the experience of the regional linguistic school

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда им. А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A. Khovansky
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье описываются проблемы взаимодействия отечественных научной и политической элит на фоне истории развития региональной языковедческой школы, а также рассматривается возможность применения искусственного интеллекта и потенциал прикладного языкознания как политической дисциплины в определении векторов постконфликтного сотрудничества России и Украины. В качестве противодействия националистической русофобской пропаганде, представленной здесь как результат политических манипуляций, предлагается социальная идеология, методика реализации которой состоит в преобразовании разрушительного духа, в конструктивный дух народа-созидателя.

Ключевые слова: компаративистика, «Филологические записки», русофобия, ксенофобия, мизантропия, отмена толерантности, дух конструктивного взаимодействия, национальная идеология, социальный дух, социальная стратификация, искусственный интеллект, социальный интеллект.

Abstract

The article analyzes the problems of interaction between domestic scientific and political elites against the background of the history of the development of the regional linguistic school, and also considers the possibility of using artificial intelligence and the potential of applied linguistics as a political discipline in determining the vectors of post-conflict cooperation between Russia and Ukraine. The social ideology, which content lies in the transformation of the destructive social spirit into the constructive one, is proposed as a counter to the nationalist Russophobic propaganda, which is presented here as the result of political manipulations.

Keywords: comparative studies, “Philological Notes”, Russophobia, xenophobia, misanthropy, post-tolerance, spirit of constructive interaction, national ideology, social spirit, social stratification, artificial intelligence, social intelligence.

Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія,
а людей – отъ раздоровъ и преступленія:
как же благородно ученое состояніе, котораго дѣло есть
возвышать насъ умственно и приближать счастливую эпоху
порядка, мира, благоденствія!
Н.М. Карамзинъ

Научное сообщество представляет собой ту социальную страту, которая способна находить конструктивные решения международных конфликтов, но, к сожалению, далеко не всегда политические и военные элиты руководствуются достижениями гуманитарной науки. Проблемы во взаимодействии научных и властных элит так или иначе проявлялись и в отечественной, и в региональной истории науки.

В настоящей статье проблемы взаимодействия креативной научной и властной элит рассматриваются на фоне традиций региональной языковедческой школы, основным источником которой служит журнал «Филологические записки», издававшийся в Воронеже под редакцией А.А. Хованского во второй половине XIX в. вплоть до революционного 1917 г. Для этого потребуется небольшой экскурс в историю журнала, специально посвященного сравнительно-историческому языкознанию – новейшему в то время направлению европейского гуманитарного знания, основывавшемуся на недавно тогда открытом родстве языков в индоевропейской семье, включающей и славянскую группу. К сожалению, компаративистике как вполне состоявшемуся научному направлению, изучавшему национальные мифологии, психологию и идеологию, был нанесен сокрушающий урон пресловутым «марксистским языкознанием» (в ходе «Дела славистов», «Дела краеведов» и т.п., и на фоне «нового учения о языке»), что стало одним из примеров негативного влияния политической элиты на научную.

Именно в «Филологических записках» был представлен проект построения *науки о национализме* на почве *прикладного языкознания*. Это была первая попытка поставить исследование национализма на научные рельсы: «Девятнадцатый век отличается от всех веков идеей национализма, – писал в 1889 году автор проекта, преподаватель Новороссийского одесского университета В.М. Добровский. – Эта самая естественная и простая идея носится в воздухе по всей Европе, но среди наук еще не нашла себе особого органа, который был бы ей посвящен исключительно. Прикладное языкознание должно восполнить этот великий пробел в области новейших наук. В интересах общечеловеческого прогресса надобно желать, чтобы идея национализма получила скорее ясность, свойственную всем великим идеям, и вошла в сознание всякого государственного деятеля, управляющего судьбою того или другого государства. Только она способна дать прочность истории и прогрессу людей, после того как найдет выражение в более или менее точных законах» [2].

Общепринято считать, что история европейского национализма берет начало в трудах мыслителей XVII в., в частности шотландского гуманиста Джона Баркляя [3], и далее развивается в связи с творчеством Вольтера, Монтескьё, Гердера и др., однако особенный подъем национализма был обусловлен именно открытием языкового родства в индоевропейской семье. Компаративистика стала настоящим научным прорывом, сопоставляемым современниками (по влиянию на европейскую гуманитарную мысль) с открытием Коперником гелиоцентрической системы, а филология вообще – источником для психологических и социологических исследований, а также новым импульсом в изучении национализма.

Называя язык «единственным прочным фундаментом национализма» и полагая, что «история языка известного народа равносильна истории национализма», В.М. Добровский отмечал, что «язык служит главным винтом современной политической жизни Европы», поскольку большинство политических конфликтов того времени было так или иначе с ним связано: «Взглянем на современную эпоху: все важнейшие события имеют центром, исходной точкой язык – война франко-прусская; борьба ирландцев с англичанами; восточная война русских с турками из-за болгар; объединение Италии, Германии; изгнание поляков из Пруссии; современная ожесточенная борьба в Австрии и проч.» [4]. Нечто подобное мы наблюдали и в

конце XX в. в Югославии, и собственно на Украине в начале XXI-го (поскольку одна из ключевых причин конфликта – это запрет на использование русского языка на территории Новороссии в частности и Украины вообще).

Автор проекта нового научного направления ещё в 80-х годах XIX в. предупреждал о кровавых потрясениях, которые ожидают европейские народы в будущем (т.е. за пару десятилетий до Первой мировой): «Прикладное языкознание <...> многое изменит в намерениях правительств и народов, многие предприятия, таящиеся ныне в зародыше или подготавливаемые в недалеком будущем, уничтожат, как вредные для самих предпринимателей. Прикладное языкознание одних государственных деятелей заставит содрогнуться за ближайшее будущее отечества, других – благословлять предков за их проницательный ум. <...> Число предстоящих войн будет прямо пропорционально количеству накопившихся ошибок против идеи национальной» [2]. По его мнению, это всё должно случиться, если прикладное языкознание как наука о национализме не будет поставлено должным образом и не получит ресурсную поддержку государства. Это означало, что научное сообщество вообще и языковедческое в частности должны были бы определять политические процессы и прогнозировать политические проблемы, связанные с языкознанием. Однако специальных мероприятий в поддержку компаративистики российское государство не осуществляло, в отличие от других европейских правительств, так что у отечественной языковедческой научной элиты того времени практически не было возможности влиять на политические процессы. Теперь мы видим, что пророчества со страниц первого российского издания, специально посвященного славянским языкам, литературе, старине и народности, реализовались с избытком...

К сожалению, наследие «Филологических записок» вернулось в практическое исследовательское пространство только в начале XXI в. в связи с восстановлением Фонда им. А.А. Хованского, т.е. почти на столетие эти материалы были буквально выведены из исследовательской базы (во многом в связи с чем в конце XX в. появился ряд маргинальных лингвистических и националистических «теорий»). Заметим кстати, что в журнале А.А. Хованского началась творческая деятельность одного из отцов-основателей российской социологии и истории науки – академика Н.И. Кареева, к изучению трудов которого исследователи стали обращаться также лишь в начале XXI в., благодаря инициативе кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена. Выделяя в истории развития мысли период формирования взглядов на особый духовный (метафизический) мир, Н.И. Кареев в своих ранних языковедческих статьях описывал представления о национальном и локальном духе (*genius loci*) по аналогии с духом персональным (в контексте демонологии) [5], обозначая способы выявления его «заболеваний» и средств его «исцеления» [6]. При этом «целительная метода» заключалась в освобождении от «деструктивного» и болезнетворного для организма духа и замене его на дух здравый – «конструктивный». Таким образом, в наследие региональной традиции (как части классической мифологической школы) вошли рекомендации по исцелению и локального, и национального духа, служащего метафизическим фундаментом для национальной идеологии.

Изучение истории региональной языковедческой школы позволяет обнаружить следующее обстоятельство: если XIX был признан современниками *веком национализма* и попыток формулирования национальной идеологии на фоне достижений сравнительно-исторического языкознания, то XXI становится *веком социологии* и *социальной идеологии* [7]. В аналогичном тренде развивается и региональная традиция – от языкознания как науки о национализме и национальной психологии к социолингвистике и к национальной социологии, к описанию понятия *социальный дух* и его структурных характеристик.

Итак, если появление понятия *национальный дух* связывают с популярным в своё время сочинением «Зеркало нравов» Д. Баркляя, обратившего внимание на различия между европейскими нациями прямо в названии одной из глав: «*О том, что каждый век имеет свой особый гений, отличный от других; о том, что любая страна имеет свой дух, который влияет на нравы ее обитателей. О том, что ценнейший труд – разыскать эти духи*» [8], то понятие *социальный дух* появляется в научно-философском дискурсе только в самое новейшее время. А именно, в 2010 г., в статье «Сущность и природа социального духа» И.В. Шабалин попытался обозначить предпосылки

и условия изучения *социального духа* [9], а в 2016 г. П.И. Смирнов выдвинул гипотезу об *общественном духе* как ведущем факторе развития любого общества, представив краткую историографию и его метафорическое описание, функции и структуру, включающую *общественное сознание, общественное подсознание и промежуточный слой* [10]. Это значит, что *гений (дух) текущего века* отличается от других именно актуализацией социологических аспектов национализма и насущная задача и ценнейших труд состоят в разыскании *духов социальных* и описании их структуры, выявлении их заболеваний и определении средств их исцеления.

Предпосылкой этого доклада к *круглому столу*, посвященному русофобии на Украине, стала статья «Русофобия как способ легитимации мизантропии и шаг к пост-толерантности» [11], опубликованная в «Журнале социологических исследований» в 2022 г. Там речь шла об антропологических истоках европейской русофобии как разновидности ксенофобии вообще; о ксенофобии как разновидности мизантропии; о природной и социальной мизантропии; о культивированной в политических целях русофобии, превратившейся в национальную идеологию, поддерживаемую правительствами «коллективного Запада»; о том, что современная русофобия – это продукт политических усилий спецслужб европейских государств, прямо противоречащий базовой для Европы идее толерантности и по существу её отменяющий (в качестве резюме, русофобия – это культивированная «отмена толерантности», или идеология, сознательно и агрессивно навязываемая европейским народам их правительствами; идеология, «отменяющая» саму европейскую культуру). И изменений в этой области следует ожидать только в связи с изменением направления векторов в идеологической сфере, для чего следует предпринять ряд необходимых мер по организации взаимодействия научной и политической элит с целью корректировки идеологических установок.

Представляется, что одной из причин украинской русофобии как основы государствообразующей идеологии являются сложности с определением не только украинской, но и собственно российской национальной идеологии. В этом отношении вспоминается крылатая латинская и библейская фраза – *cūra tē ipsum – исцели себя сам* (Лк. 4:23), повторенная устами Заратустры: «*Arzt, hilf dir selber: so hilfst du auch deinem Kranken noch*» [12]. И коль скоро мы рассматриваем *Мало-*, а лучше сказать – *Старо-россию*, как часть общей России, следует, что украинская русофобия – это и частная проблема, и наша общая, очень крепко связанная с непрекращающимися, но не вполне пока успешными попытками описания особенностей национального духа и поисками внятной формулировки собственно *русской национальной идеи*. Прежде всего потому, что тезис «национальная идеология заключается в патриотизме» хоть и бесспорен по форме, но не вполне вразумителен по существу, поскольку сложности начинаются уже в прояснении структуры этой формулы, когда возникает вопрос: «как проявляется патриотизм по отношению к Родине-матери в различных социальных стратах?»

В поисках ответа на этот вопрос была написана статья «Социальная идея и национализм: социологический аспект национальной идеологии», опубликованная в июне 2023 г. [13]. В этой статье предлагается практическое использование *социальной идеи* в качестве временного эрзаца *идеи национальной*, пока идут поиски последней. Социальная идея, которая может быть использована в период этих поисков, заключается в *социальной гармонии*, или *социальной симфонии*, иначе говоря, в конструктивном социально-стратовом взаимодействии [14]. О духе этого взаимодействия как достижении *социального интеллекта* будет подробнее написано в только ещё готовящейся к публикации статье с рабочим названием «Социальный дух и гений общества как предпосылки для конструктивного взаимодействия». Именно эти материалы и отражают достижения региональной научной школы, требующие адаптации федеральной политической элитой.

Как известно, всякое национальное общество имеет универсальную и в то же время специфическую социальную структуру, а самая простая социальная стратификация основывается на дихотомии (греч. διχοτομία: διχῶν, «надвое» + τομή, «деление») – разделении на две части – элиты и массы: «Элиты составляют меньшинства, которые, благодаря занятию ключевых позиций, играют стратегическую роль в выборе вектора государственного развития и имеют гораздо больше влияния на принятие решений различных уровней, чем массы, представляя при этом интересы

правлящего класса как интересы всего общества» [15]. Это и есть самая первичная социо-аналитика в этимологическом смысле (др.-греч. ἀνάλυσις «разделение, расчленение»). Описанию структуры национальной элиты, состоящей, помимо *правлящей* и *неправлящей* [16], из научной, экономической, культурной, военной, политической, религиозной, медийной элит и др., а также проблемам их взаимодействия, посвящено специальное научное направление – элитология. С точки зрения элитологии, каждая из вышеназванных элит, в том числе и научная, состоит из двух частей – номинальной и сущностной, или административной и креативной, (при этом, именно от креативной элиты скорее всего можно ожидать каких-то реальных творческих свершений, поскольку номинальная часть научной элиты больше занята решением административных задач, часто – с целью «обналичивания» занимаемых должностей и передачи их по наследству [18]).

В бытовом обращении под элитами чаще всего понимаются властные структуры, которые, как правило, оттесняют на задний план другие неполитические элиты – культурные и научные. Выбор же ценностного подхода к изучению элит выливается не в апологетику, а в их критику [17]. Исследования показывают, что при всём пристрастии находить в элитах лучших представителей, результат оказывается противоположным, а сами исследователи элит «достаточно ясно видят, сколь высок среди представителей номинальной элиты процент людей лживых, лицемерных, аморальных, изворотливых, ловкачей, беспринципных искателей власти» [18]. Эта дихотомическая схема реализуется произвольно и иррационально, можно сказать, на почве исторической традиции, когда два привилегированных «элитных» класса доминировали и угнетали массы производителей. По мнению классиков, именно это противоречие и было тормозящим фактором в развитии общественных и производственных отношений и стало той «социальной идеей», которая однажды уже привела к гражданской войне.

Социальная же идея, о которой шла речь в посвященной ей статье – это уже следующий этап аналитики – трихотомия (др.-греч. τριχτομία: τριχῆ «натрое» + τομή «разрезание»); хоть и ненамного, но более детальный. У этой социальной идеи есть по крайней мере три источника: платонизм или античная философия [19], христианское богословие (ещё дораскольное) [23] и компаративистика, главным образом в связи с исследованиями Ж. Дюмезиля [20].

Трёхчастная социальная структура репрезентирует условное разделение национальных обществ на *воинов*, *ораторов* и *производителей*: *bellatores*, *oratores*, *laboratores*. И в связи с заявленной темой этой статьи на фоне известных представлений о трёхчастной социальной структуре необходимо заметить, что именно *oratores* и есть составная часть триады, объединяющая научную и политическую элиту. Причем, хотя от политической элиты во многом зависит взаимодействие властных элит, именно креативная научная элита занята и самопознанием, и в то же время изучением социального духа других, т.е. именно креативная научная элита создает общие смыслы. В структуре креативной научной элиты, нацеленной на устойчивое развитие достоверных знаний, особенно выделяются генераторы идей – «творцы новых понятий, теорий, методов, даже новых путей мышления, новых парадигм. Именно эта часть и есть топ-уровень элиты в науке» [21]. В частности и в связи с развитием традиций региональной школы, в настоящее время осуществляется работа по описанию *социального духа oratores* в сравнении с *социальным духом bellatores* и *социальным духом laboratores*...

С трёхчастной социальной идеологией связан один любопытный факт, важный для построения научно-исторического нарратива и касающийся синхронии в становлении Франкского государства и Киевской Руси в начале XI в., когда появилась «Русская правда» Ярослава Мудрого и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. В этот же период времени епископ Адальбёрон Ланский написал поэму о благодатном государственном устройстве «Carmen ad Rotbertum regem Francorum» – в назидание франкскому королю Роберту Благодетелю [22], сын которого, Генрих I, был женат на Анне Ярославне Киевской (несомненно, в реализации этого брачного союза принимали участие епископы). Текст этой поэмы, составленный епископом ещё неразъединенной Вселенской церкви, позволяет уловить общий богословский *Дух закона*, ниспосылаемый в качестве благодати свыше для её практической реализации каждым благочестивым помазанником как проводником воли Царя небесного [23]. Как известно, киевская «Русская правда» сохранилась не полностью, но к её 1000-летию появились способы

реконструировать утерянные фрагменты, например, с помощью технологии Кембриджской школы контекстуализма [24]. Разумеется, реконструировать не сам текст, а контекст, чтоб правильно понять «высший» и истинный смысл его ключевых терминов [25]; так сказать – уяснить не *букву закона*, а его *дух*, о котором в своё время писал Монтескьё [26].

Дух этой философско-богословской социальной идеи синхронически и идеологически связан с истоками формирования социально-правовых норм у восточнославянских народов, свидетельство чему можно найти в других сохранившихся письменных источниках [27]. Поэтому в связи с вышеупомянутой синхронией социальную идею можно рассматривать и как эрзац для русофобской идеологии, присовокупив сюда мысли И.Л. Солоневича о том, что «решающим фактором всякого государственного строительства является ... «дух» народа-строителя» [28] (в обобщенной форме и применительно к историческому процессу это утверждал и О. Шпенглер) [29].

Итак, в связи с наследием региональной школы и для удобства интерпретации, русофобию можно рассматривать метафорически – как патологию локального духа, поразившую национальный дух, а её носителей – как одержимых этим духом. Иначе говоря, русофобия, став при поддержке правительств «коллективного Запада» национальной идеологией, превратила антиросийски настроенных украинцев в *народ-разрушитель*, тогда как для строительства государства нужен *народ-созидатель*. Для научного же сообщества противодействие деструктивному духу состоит не в практике уничтожения его носителей, а в замене больного духа на здоровый. Иначе говоря, лучший способ избавиться от духа разрушительного – это замена его на дух созидательный, направленный на сотворение из Украины страны-сада (это касается и России в целом).

На деле же, для избавления от деструктивного духа нужно предпринять следующие меры:

0. Русофобскую и антиросийскую деструктивную национальную идеологию, реализуемую современным правительством Украины при поддержке «коллективного Запада» надо поменять на конструктивную идеологию народа-созидателя в контексте *социальной идеологии* и в богословском духе (1 Кор. 2:6-8; 1 Пет. 1:20; Еф. 3:9; Кол. 1:26; Рим. 14:24) киевской «Русской правды».

1. Украинскую русофобию следует рассматривать как проект, курируемый спецслужбами «коллективного Запада» и направленный на самоуничтожение славян. Для противодействия этому проекту видится целесообразным инициировать всеславянское освободительное и антиколониальное движение «Slavic Lives Matter», чтоб создать условия для перехвата инициативы и перехода в активную фазу противодействия информационной войне в практически уже потерянной славянской Европе. Это движение должно объединить в борьбе за умы традиционно мыслящих представителей славянских государств, прежде всего – в интеллектуальном и просветительском отношении. Это национально-освободительное движение идеологически очень хорошо сочетается с международным антиколониальным движением «BLM» и понятно всем пострадавшим от европейского колониализма народам.

Рис. 1. Логотип межславянского анти-неоколониального движения «Slavic Lives Matter».

В качестве центра развития этого движения есть предпосылки выбрать Мариуполь как место, обладающее сейчас специфическим созидательным локальным духом, для чего, образно говоря, нужно осуществить *обряд инициации этого духа*. В Мариуполе должна произойти трансформация кровожадного и деструктивного *волынского духа* в *мариупольский дух* [или *дух злагоды*, А. Мишин] – миролюбивый и созидательный. Другая Украина должна стать дружелюбной и миролюбивой страной-садом, а не джунглями для блуждания в неоязыческих, а по сути антихристианских ересь, служащих демагогическим прикрытием для реализации коррупционных схем.

В *мариупольскую тему* уже вложен огромный информационный потенциал, деструктивный по существу, и задача состоит в том, чтобы, используя, как в айкидо, кинетическую энергию противника, трансформировать этот потенциал в конструктивную повестку.

2. Поскольку языкознание рассматривает национальные языки как основной инструмент в осмыслении и понимании национального духа и связанной с ним идеологии, определяющей развитие политических событий, ключевое значение в противодействии русофобии имеют мероприятия и проекты, так или иначе связанные с наукой о языке. Так, в качестве одного из профилактических средств от славянской русофобии прописывается проект по развитию *межславянского языка* [30]. Это направление может привлечь традиционно мыслящие силы в условной «Другой Польше», «Другой Чехии» и т.д. к конструктивному диалогу взамен эскалации конфликта не только на Украине и в России, но и целом славянском мире.

В это движение, согласно статистическим расчетам, можно вовлечь порядка 30 000 *пассионарных* представителей всех славянских народов. Этот международный, межславянский проект имеет большой потенциал для нейтрализации украино-русского языкового конфликта и

способен сделать эту проблематику абсолютно неактуальной, выбив с помощью языкознания из-под её ног всякую почву. Именно поэтому он должен получить всестороннюю государственную поддержку и рассматриваться как один из приоритетных во внешней политике «Другой Украины». Причем, образно говоря, инвестиции в этот проект ресурсов, сопоставимых со стоимостью одного только танка «Армата», избавили бы от необходимости тратить средства на танковые дивизии.

3. Ещё одно направление деятельности по нейтрализации русофобии – использование ИИ. За исходный тезис здесь приходится не без иронии взять следующий: раз уж естественный интеллект не справляется с украино-русским конфликтом, есть предпосылки попытаться решить его с помощью искусственного.

Уже на современном уровне своего развития ИИ помогает выстраивать структуры и схемы, направляющие мысль в конструктивное русло и отвлекающие от военной конфронтации. Алгоритм ИИ построен на принципах *critical thinking*, поэтому, отвечая на вопросы, касающиеся политических проблем, как правило, ИИ предлагает в качестве резюме относительно объективные ответы. О своем отношении к межнациональным конфликтам китайский ВAI-чат заявляет: «Искусственный интеллект относится к вопросам межнациональных отношений и предубеждений с точки зрения объективности и честного предоставления информации. Он может быть использован для повышения осведомленности о культурном разнообразии и поддержки уважительного общения между людьми разных культур».

Практика опроса американского GPT-chat на предмет отношения к русофобии показывает, что ИИ считает русофобию одной из разновидностей ксенофобии и прямо осуждает это явление как деструктивное в международной политике, поэтому в дискуссию о вреде русофобии для мирового сообщества видится целесообразным привлечь ИИ в качестве третьей стороны [31].

Разработку принципов участия ИИ в решении международных конфликтов следует обозначить как прорывную инициативу «Другой Украины». Представляется, что ИИ может стать эффективным рабочим инструментом в прокладывании путей выхода из этого конфликта, основанного на объективных противоречиях, и в трансформации потенциала деструктивной энергии в энергию конструктивного взаимодействия.

Изменения характера национального духа в зависимости от духа времени можно принимать за установленный точно факт. Это значит, что по аналогии с глоттохронологией [32], изучающей скорость изменения языков, можно с помощью *идеохронологии* рассчитать и примерную скорость трансформации национального духа и определить факторы, влияющие на этот процесс и его ускоряющие. С помощью ИИ можно измерить скорость изменений идеологических представлений в отдельно взятом государстве и определить технологии для её корректировки...

Вышеперечисленные векторы развития русско-украинских отношений, учитывающие опыт региональной языковедческой школы и направленные на трансформацию деструктивной информационной энергии в конструктивную, сами собой свидетельствуют, что в научном сообществе есть варианты решений межнациональных проблем, связанных с пропагандой русофобии, и главная задача заключается в том, чтобы на практике осуществить конструктивное взаимодействие креативной научной элиты с правящей политической. Правящей, рассуждая в духе гуру менеджмента Ицхака Адизеса [33], должна стать конструктивная кооперация между различными элитами вообще, а не какая-то отдельная элита – экономическая или политическая, военная или научная в частности. Разумеется, при том условии, что будут выработаны механизмы для взаимодействия креативной и властной элиты, как это, например, представлено в следующей схеме:

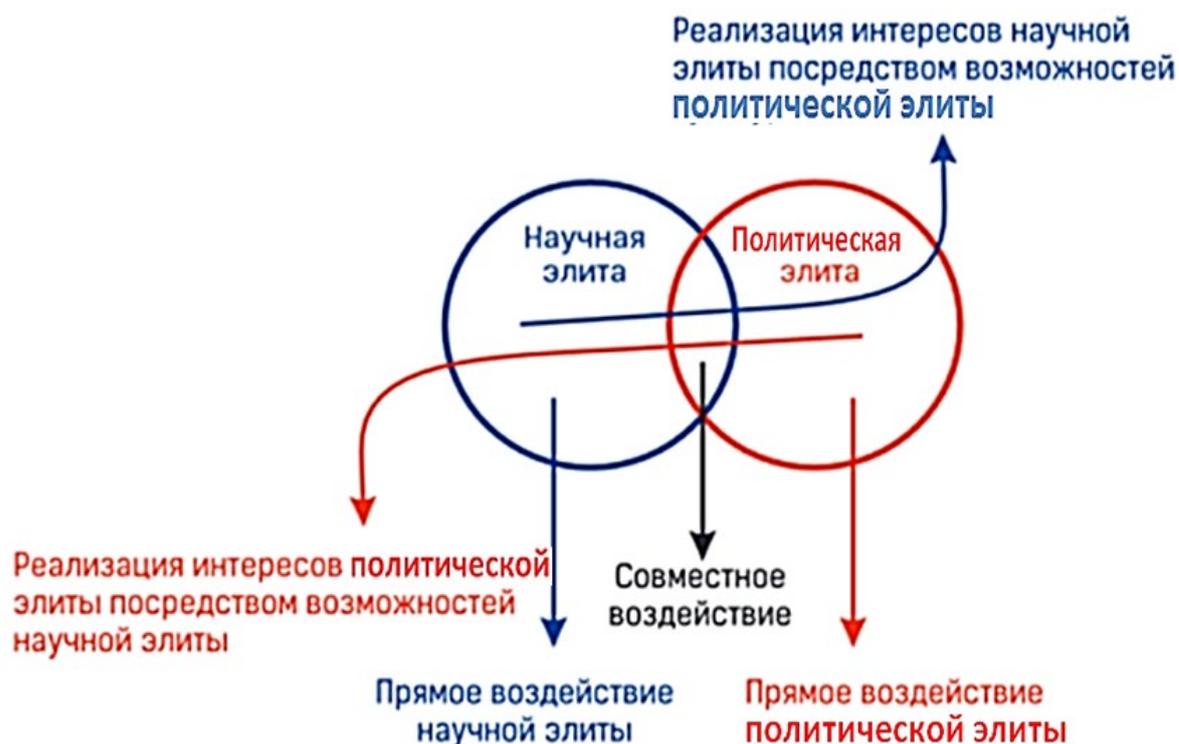

Рис. 2. «Принципиальная схема сотрудничества элит: 5 видов воздействия и взаимодействия» [34]

В заключение необходимо сделать следующие общие выводы: достижения в языкознании и изучении национальной психологии, а также в сфере ИИ, должны стать темой взаимодействия научной и политической элиты в определении векторов постконфликтного развития другой Украины и России. На это должен быть заказ у государства.

Оперативные возможности научного сообщества в решении проблем, связанных с русофобией, по большому счету ограничиваются круглыми столами, конференциями, публикациями и т.п. Разумеется, в период острой фазы конфликта осуществлять даже такие привычные мероприятия сложно, но возможно. Перспектива этого направления непосредственно зависит от конструктивного взаимодействия креативной научной и властной элиты.

Литература

1. Статья написана для круглого стола по теме «Украинская русофобия: истоки и механизмы преодоления» (19.07.2023), организованного ИНИОН РАН и общероссийским общественным движением «Женщины во власть», при поддержке общественного движения «Другая Украина».
2. *Добровский В.М.* Зачатки прикладного языкознания как науки о национализме: введение. Проект. – Воронеж, 1889. – 48 с.
3. *Васильев А.В.* Преемственность и разрывы в истории понятия «гений (дух) времени» в сочинениях западно-европейских авторов XVII – первой половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета, 2012. – № 363. – С. 82-85.
4. На почве «тенденциозного» понимания компаративистики, кстати заметить, возникла и пресловутая арийская теория.
5. *Кареев Н.И.* Расы и национальности с психологической точки зрения // Филологические записки, 1876. – В.2. – С. 1-24.
6. *Кареев Н.И.* Мифологические этюды // Филологические записки, 1873. – В.3. – С. 38-42.
7. *Осинов Г.В.* Российская социология в XXI веке // Социологические исследования, 2004. – No 3. – С. 3-14.
8. *Barclay J.* The mirror of minds, or, Barclay's Icon animorum., London, 1631, P. 36 [URL:<http://www.archive.org/stream/mirroourofmindeso00barc>. Дата посещения: 04.07.2023].

9. *Шабалин И.В.* Сущность и природа социального духа // Вестн. Волгогр. гос. ун-та., 2010. – №1 (11). – С. 113-118.
10. *Смирнов П.И.* Общественный дух как фактор общественного развития: его функции и структура // CredoNew, 2015. – №1 (81) // <https://credo-new.ru/archives/402> (Дата посещения: 04.07.2023).
11. *Лазарев А.И.* Русофобия как способ легитимации мизантропии и шаг к посттолерантности // Журнал социологических исследований, 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 25-32.
12. *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra // Werke II, Ullstein, Frankfurt/M u. a., 6. Auflage 1969, S. 613.
13. *Лазарев А.И.* Социальная идея и национализм: социологический аспект национальной идеологии // Журнал социологических исследований, 2023. – Т. 8. – № 2. – С. 25-36.
14. *Платон:* «Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким всё государство в целом. <...> Таким образом, при росте и благоустройстве нашего государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь справедливую долю в общем процветании, соответственно их природным данным» (Платон. Государство // пер. [с древнегреч.] А.Н. Егунова. – М., 2012. – 415 с.)
15. *Лазарев А.И.* Роль научно-педагогических школ в формировании гражданского общества и властных элит // Воронежская педагогическая школа / под. ред. А.И. Лазарева. – Воронеж : Кварта, 2018. – С. 298-306.
16. *Лазутина Е.В.* Некоторые вопросы теории элиты Вильфредо Парето и современность // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 2014. – № 2. – С. 171-175.
17. *Киселёв И.Ю., Смирнова А.Г.* Элитология: учеб. пособие / под ред. проф. И.Ю. Киселёва. – Ярославль, 2006. – 96 с.
18. *Ашин Г.К.* Курс истории элитологии. – М., 2003. – 302 с.
19. *Платон.* Государство // Пер. [с древнегреч.] А.Н. Егунова. – М., 2012. – 415 с.
20. *Медведев А.П.* В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев (к 100-летию Ж. Дюмезиля) // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – Воронеж, 1997. – №2. – С. 99-113.
21. *Артюхин М.И.* Научная элита: проблема идентификации и типологии / Социологический альманах, 2011.– № 2.– С. 311-319.
22. С его благочестивым правлением, между прочим, связаны и примеры реализации идеи о «Божьем мире», объявляемом христианами во время междоусобных военных операций.
23. *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или представления средневекового общества о самом себе // Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 320 с.
24. *Атнашев Т., Велижев М.* Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // НЛО, 2015. – №134 – С. 21-44.
25. *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. – М., 2003. – С. 720.
26. *Монтескье Ш.* О духе законов // Под. ред. А.Г. Горнфельда. – СПб., 1900. – 706 с.
27. НИОР РГБ. Ф. 304.1. Д. 794. Л. 338-338 об.
28. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. – Минск: Лучи Софии, 1998. – С.20.
29. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М., 1993. – С. 307.
30. *Лазарев А.И.* Межславянский язык как инструмент устойчивого развития славянского мира // По следам живого слова. – Воронеж: Изд.-полигр. центр «Научная книга», 2022. – С. 72-77.
31. Нестабильность в международных отношениях свидетельствует о жизненной необходимости для независимых государств обладать передовыми средствами в сфере ИТ. Это значит, что разработка ИИ является для России одним из приоритетнейших направлений в сфере обеспечения национальной безопасности. Представляется, что для *славянского ИИ* лучше в качестве оперативного языка перевода использовать межславянский.
32. Глёттохронология (от др.-греч. γλῶττα «язык» + хронология) – гипотетический метод компаративистики, служащий для предположительного определения скорости изменения базового словаря языка.

33. *Адизес И.* Стили менеджмента: эффективные и неэффективные. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 260 с.
34. *Бутурлакина Е.* и др. Миссия элиты, служение элиты, интересы элиты – как это сочетать в России // Будущее где-то рядом. Сборник к 5-летию Школы «Репное». – Воронеж, 2015. – С. 38-49.